

А.П. Шевелева

аспирант факультета Истории Искусств РГГУ

anasymip@gmail.com

ИСТОРИЯ: АКАДЕМИЧЕСКАЯ, ПОПУЛЯРНАЯ, ПУБЛИЧНАЯ*

Историческая наука не является беспристрастной. Практически всегда процесс создания исторического текста испытывает дискурсивное влияние и транслирует это влияние дальше. Таким образом, исторические тексты - как созданные профессиональными учеными, так и любительские, популистские и идеологизированные - являются ценным источником для анализа.

Historical science isn't objective. The process of creating a historical text is almost always influenced by discourse and transfers this influence. So all historical texts - both professional and populist - can be seen as a valuable source for analyses.

Ключевые слова: публичная история, популярная история, критический анализ

Keywords: public history, popular history, critical analyses

Одна из проблем, которая стоит сейчас перед исторической наукой (или, вернее будет сказать, встает в связи с бытованием исторического знания вне профессионального сообщества), это вопрос ее понятности и привлекательности для широкой аудитории. Часто говорится о том, что история важна для самоидентификации людей, что история - это коллективная память, что подчас именно знание истории помогает человеку выстроить свою идентичность. При этом нередко оказывается, что представления об истории, которые конструируются у читателей вне исследовательской среды, мало соотносятся с тем, что изучается в академии. Попытка сделать историю привлекательной для людей за пределами научного сообщества ведет (по крайней мере, многие этого опасаются) к ее предельному упрощению и превращению в популизм. «Раскрученная» история, по сути, перестает быть историей и становится идеологией. На первый план выходят те моменты, которые обещают идеологические выгоды для создателей или потребителей такого знания, в то время как факты, которые можно считать негативными, остаются в тени. Но, как только к процессу конструирования исторического знания предъявляются требования в беспристрастности и равном внимании ко всем сторонам изучаемого объекта, оно сразу переусложняется, начинает терять свою привлекательность в качестве основы для построения идентичности.

В середине XX века происходит познавательный поворот, в результате которого в научном сообществе формируется новый взгляд на процесс производства знания. Начинается постепенный отказ от представлений об «объективном», «истинном» знании. Становится более заметна роль личности исследователя в научном процессе: его представления влияют на то, как он расставит акценты в своей работе, какой исследовательский вопрос задаст, и как сформулирует свои выводы.

Аналогичные процессы происходят и в исторической науке. Во-первых, историк в своем исследовании точно так же зависим от своих субъективных суждений, как и любой другой гуманитарий. Во-вторых, источники, на которые опирается научная работа, также необъективны. В случае, если ученый работает сустными свидетельствами, ему необходимо учитывать, что рассказчик с большой долей вероятности будет пристрастен. Это верно и для архивных данных.

© Шевелева А.П., 2013

* Подготовлено при поддержке Программы стратегического развития РГГУ

Материалы, находящиеся в архиве, подбирались конкретными людьми, руководствовавшимися каким-то - известным или неизвестным историку - принципом. Собственно, этот принцип, по которому составлен архив, оказывает решающее влияние на его состав. В нем находится не вся информация, а лишь та, которая обусловлена принципом подбора (например, это может быть архив, связанный со сбором налогов, или архив при храме). Собранный таким образом информация создает определенный угол зрения. Кроме того, составитель архива был ограничен не только принципом подбора материалов, но и внешними факторами.

Археологические источники более «беспристрастны», но и они подвержены влиянию внешних факторов - катастроф, климатических изменений, социальных процессов и т.д. И, хотя влияние человеческого мнения здесь может быть невелико или вовсе отсутствовать, все же доступные данные неполны, и ученый достраивает их - неизбежно делая это с участием своих субъективных суждений. Таким образом, историк, хотя он стремится к объективности и беспристрастности, работает с пристрастным либо просто искаженным материалом.

Критика источника позволяет решать эту проблему, хотя бы отчасти. Сопоставляя разные источники между собой, делая скидку на ангажированность летописцев и составителей архива, привлекая к анализу археологических находок ученых из других дисциплин, историк имеет возможность значительно увеличить корректность и точность собранной фактологии. Это позволяет академической истории декларировать принципиальную возможность существования полного и объективного знания. Достижение такого знания и является целью исторического исследования в бесконечно удаленной перспективе: получить абсолютно полную, достоверную и объективную картину прошлого едва ли возможно - но можно бесконечно приближаться к ней.

Такая постановка вопроса - даже с учетом того, что достижение действительно абсолютной истины признается недостижимым - создает основу для иерархии как внутри сообщества историков, так и среди ученых и их аудитории. Если к объективной истине действительно можно приблизиться, то научное сообщество делится на людей, находящихся ближе (академики, профессора) и дальше (студенты, аспиранты) относительно нее. Это создает своего рода иерархическую вертикаль. Наверху находятся ученые, ближе всех подошедшие к объективной картине. Остальные представители академического сообщества располагаются сверху вниз, по мере удаления знаний, которыми они обладают, от гипотетически достижимой истины. Еще ниже находится аудитория исторических исследований, не относящаяся непосредственно к научному сообществу, а в самом низу - люди, вовсе не имеющие никакого отношения к истории как науке. Очевидным образом такая вертикаль ставит академического историка в привилегированное положение.

Однако интерес людей к истории не связан с их местом на этой вертикали. История может служить - и часто служит - значимой составляющей идентичности как личной, так и коллективной. Соответственно, многие группы, конструирующие групповую идентичность, могут обращаться к истории для легитимации собственного статуса в своих глазах и глазах окружающих. Это может быть история узкой прослойки общества - например, история какой-то профессии, если речь идет о профессиональной идентичности, или история конкретного заведения - например, университета - для людей, чья жизнь тесно связана с ним. Фокус может быть взят и более широко и включать в себя национальную историю - в случае, если речь идет не о какой-то конкретной стороне идентичности, но о более комплексном ее восприятии. Совершенно логичным шагом выглядит включение исторического наследия, багажа, в структуру своей идентичности. Запрос на такое включение, в свою очередь, создает потребность в изучении истории.

Здесь и возникает проблема, упомянутая в начале этой статьи. Корректное научное изложение, стремящееся к достижению объективного знания, безэмоционально, многогранно и сложно. За счет этого оно теряет свою привлекательность в качестве элемента идентичности. Не имея возможности выстроить с историей личных отношений, человек не воспринимает ее как относящуюся непосредственно к себе, и, даже признавая ее важность, выносит за пределы «себя», во внешний мир. Поиск способов встраивать историческое знание в структуру идентичности провоцирует

возникновение множества вариантов его подачи. Это может быть привязка истории к конкретным объектам или локациям при помощи музеев и памятных мест, сужение взгляда до истории конкретной территории (локальная история решает именно эту задачу), или приближение исторического материала к аудитории при помощи эмоционального и чувственного переживания исторических событий через исторические книги и фильмы, компьютерные игры, ролевые игры живого действия и телевизионные шоу.

Популярная история

Практически все тексты, основанные на истории, создают свои собственные режимы истины - это верно как для научной и научно-популярной литературы, так и для документального кино, научно-популярных передач, а также - для всех вариантов популярной литературы и кинематографа. Развлекательный фильм, предположительно основанный на исторических событиях - хороший пример. Версия истории, представленная в нем, может значительно отличаться от того, что мы прочитаем в серьезных научных исследованиях или услышим на институтской лекции. Однако это не мешает фильму претендовать на достоверность своей истории. Само маркирование его как «исторического» кино, иногда дополнительно подкрепленное утверждением, что «рассказ основывается на реальных событиях», легитимирует такой текст как транслятора «достоверной», «истинной» информации. Именно на этом допущении строится и восприятие такого продукта аудиторией. Зритель, чтобы смотреть этот фильм и получать от него удовольствие, должен поверить в историю, рассказанную на экране, принять версию фильма за «истинную». Доверие человека обосновывает ценность текста в качестве одной из основ для выстраивания идентичности.

В большой степени это доверие к предлагаемому в тексте режиму истины возникает за счет эмоционального вовлечения. Зритель переживает события, происходящие на экране, и через это подтверждает для себя их достоверность. Предлагаемая фильмом или романом версия истины принимается с позиции «это правда, потому что я это пережил». А так как личный человеческий опыт воспринимается человеком как нечто гарантированно истинное и достоверное, то такое доказательство имеет большую силу.

В еще большей степени на эту логику опираются компьютерные игры, сюжет которых встроены в исторический бэкграунд, а также - историческая реконструкция и ролевые игры живого действия, обыгрывающие те или иные исторические события. Во всех этих случаях человеку предлагается не просто эмоционально участвовать в событиях, разворачивающихся у него на глазах, но взаимодействовать с этими событиями - управляя игровым персонажем или и вовсе «переселяясь» в ту или иную историческую эпоху. Эмоциональное переживание усиливается за счет ощущения соучастия, а кроме того, к эмоциональному опыту добавляется еще и опыт телесного взаимодействия, что еще больше закрепляет впечатление реальности пережитых событий.

Это ощущение сопричастности истории позволяет человеку ощутить себя уже не просто потребителем исторического знания, производимого для него профессиональными историками и авторами популярно-исторических текстов. Он уже либо участник, либо, по крайней мере, свидетель исторического события, и в таком качестве его мнение ничуть не менее ценно, чем мнение академического историка. Человек, получивший такой опыт и признавший версию исторической истины, предложенную популярной историей, вступает в конфронтацию с иерархической моделью исторического знания. Как минимум, его место в иерархии меняется на более высокое, как максимум - он вообще отказывается от предлагаемой иерархии и ищет другой принцип для определения того, кто ближе всех подошел к «объективной истине» (которая в рамках популярной истории тоже существует).

Возможна и другая стратегия, которая тоже предполагает изменение сложившейся иерархии исследователь-аудитория. Человек из аудитории может сам заниматься историческими исследованиями, выступая, таким образом, в качестве эксперта. Он не является ученым и не обладает соответствующей научной методологией, но это не мешает ему производить определенный текст и

даже работать с фактами, вполне признаваемыми академической исторической наукой. Более того, такую работу может проводить и человек, происходящий из академической среды. Разница будет состоять не только (а, возможно, и не столько) в компетенции исследователя, но и в том принципе, по которому он выстраивает отношения с аудиторией.

Если в рамках академической науки исследователь выступает с экспертной позиции, спорить с которой на равных может только другой такой же эксперт, то «популярный историк» отказывается от таких отношений со своей аудиторией. Исследователь, работающий в рамках популярной истории, общается со своим читателем на равных. Он не выдает ему готовую «истину», а делится своим методом, объясняет логику своих рассуждений, приглашая читателя к ним присоединиться.

Именно этот принцип часто служит основной целью критики популярной истории, причиной для обвинений ее в чрезмерном популизме и погоне за модой в ущерб «истине». В рамках академического подхода к истории, текстам, созданным в рамках такого исследования, отказывается в праве считаться историческими и претендовать на какую бы то ни было достоверность.

Перспектива публичной истории

Публичная история - междисциплинарное научное направление, в фокусе изучения которого находятся процессы бытования исторического знания в обществе. В рамках публичной истории деконструируется представление об объективном и истинном историческом знании, а также представления об иерархическом строении исторической науки.

С точки зрения публичной истории, существование абсолютной объективной истины вообще не возможно - ни сейчас, ни в сколь угодно отдаленной перспективе. Даже академический исследователь, несмотря на то, что он обладает научной методологией и может уменьшать возможные погрешности при получении исторических данных, на стадии трактовки этих данных уже не может быть абсолютно объективным. Выстраивание причинно-следственных связей, оценка значимости тех или иных событий - все это находится в сильной зависимости от личности и биографии исследователя. Он может отрефлексировать воздействие этих факторов на создаваемый им текст, но не может этого воздействия избежать.

В рамках этой логики получается, что академическая история ничуть не более объективна, чем история, которую создает сам для себя «потребитель» исторического знания. И там, и там невольно искажаются или игнорируются некоторые факты, а некоторым, напротив, уделяется непропорционально много внимания. И та, и та истории не являются «объективно» истинными - и нет оснований ставить одну выше другой.

За счет этого разрушается изначально предполагавшаяся иерархия знания, ставящая одну историю выше другой. Обе дисциплины - и академическая история, и популярная - находятся наравне и вовлечены в создание и трансляцию исторического знания, бытующего в обществе.

Если в рамках традиционной истории фокус внимания исследователя заострен на прошлом, то «публичный» историк смотрит на прошлое через призму настоящего. История и сведения о ней выступают в его глазах не как цель, но как инструмент, при помощи которого аудитория исторического исследования конструирует собственную идентичность.

История публичной истории

Институционализована публичная история была в США, в 1970-х годах. Во многом этот процесс начался по тем же причинам, что и развитие, и институционализация культурных, гендерных и расовых исследований - благодаря активизации социальных движений в 1960-х годах в Америке и Европе. Общество начинало по-новому осознавать себя, и это создавало предпосылки для развития нового взгляда на научный - в том числе исторический - метод. Для целого ряда социальных и гуманитарных наук того времени характерен отказ от претензии на «объективность» научного знания, от поиска «абсолютной истины». На первое место выходит не объект, а субъект, признается, что личный опыт ученого может оказать значительное влияние на его подход к

исследованию, и, следовательно, на результаты научной работы. Публичная история - результат тех же тенденций, развившихся в области исторических исследований.

С середины 70-х в США начинает активно развиваться институционализированная публичная история: появляется бакалаврская программа, свой журнал. Постепенно новая дисциплина появляется и в других странах - в Канаде, Австралии, Великобритании.

Однако те методы исследований в рамках публичной истории, которые развиваются сейчас в России, скорее пришли не из англо-саксонской науки, а из научных школ континентальной Европы, в частности - Германии, где в 2008 году была запущена бакалаврская программа по публичной истории.

Подход к публичной истории в Европе несколько отличается от распространенного в англо-саксонских странах. В частности, гораздо сложнее там проходил процесс институализации этой дисциплины, и в некотором роде можно сказать, что он до сих пор не завершен.

Схожие проблемы встречает публичная история и в русскоязычной научной среде. Отчасти причины этого можно видеть в том, что парадигма, в рамках которой возникла публичная история, например, в США, и которая сейчас в значительной степени принята в западных гуманитарных и социальных науках, в русскоязычной научной среде приживается плохо. В русскоязычной науке все еще сильны тенденции к поиску «объективного» знания, некой универсальной истины. В рамках истории же она подкреплена всей базой советской и ранней постсоветской исторической школы, что делает мнения, высказанные в поддержку этих тенденций, особенно весомыми.

Тем не менее, публичная история активно развивается. Сейчас в Москве открыта магистерская программа по публичной истории (под руководством кандидата исторических наук В.С. Дубиной и доктора филологических наук, профессора Оксфордского университета А.Л. Зорина), регулярно публикуются новые материалы, проводятся круглые столы и конференции. Публикация этого номера - еще один шаг на пути к популяризации этой дисциплины в русскоязычном научном сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. De Groot, Jerome. Consuming History: historians and heritage in contemporary popular culture / Jerome de Groot. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis Group. 2008
2. Джером де Гру. Сопереживание и участие. Популярные истории /Де Гру, Джером // Гефтер, 2012. - [Электронный ресурс]. - Гефтер. - Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/6239>
3. Выступление Веры Сергеевны Дубиной на круглом столе «Культура истории: Историческое знание в публичном пространстве» 16 апреля 2013 года.
4. Выступление Екатерины Георгиевны Лапиной-Кратасюк на круглом столе «Культура истории: Историческое знание в публичном пространстве» 16 апреля 2013 года.
5. Выступление Константина Юрьевича Ерусалимского на круглом столе «Культура истории: Историческое знание в публичном пространстве» 16 апреля 2013 года.